

Однажды утром, когда мы с женой завтракали, горничная подала мне телеграмму от Шерлока Холмса:

"Не можете ли вы освободиться на два дня? Вызван на запад Англии связи трагедией Боскомской долины. Буду рад если присоединитесь ко мне. Воздух пейзаж великолепны. Выезжайте Паддингтона 11.15".

- Ты поедешь? - ласково взглянув на меня, спросила жена.
- Право, и сам не знаю. Сейчас у меня очень много пациентов...
- О, Анструзер всех их примет! Последнее время у тебя утомленный

вид.

Поездка пойдет тебе на пользу. И ты всегда так интересуешься каждым делом, за которое берется мистер Шерлок Холмс.

Мой опыт лагерной жизни в Афганистане имел по крайней мере то преимущество, что я стал закаленным и легким на подъем путешественником.

Вещей у меня было немного, так что я сел со своим саквояжем в кэб гораздо раньше, чем рассчитывал, и помчался на Паддингтонский вокзал.

Шерлок Холмс ходил вдоль платформы; его серый дорожный костюм и суконное кепи делали его худую, высокую фигуру еще более худой и высокой.

- Вот чудесно, что вы пришли, Уотсон, - сказал он. - Совсем другое дело, когда рядом со мной человек, на которого можно вполне положиться.

Местная полиция или совсем бездействует, или идет по ложному следу.

Займите два угловых места, а я пойду за билетами.

Мы сели в купе. Холмс принялся читать газеты, которые он принес с собой; иногда он отрывался, чтобы записать что-то и обдумать.

Так мы доехали до Рэдинга. Неожиданно он смял все газеты в огромный ком и забросил его в багажную сетку.

- Вы слышали что-нибудь об этом деле? - спросил он.
- Ни слова. Я несколько дней не заглядывал в газеты.
- Лондонская печать не помещала особенно подробных отчетов. Я

только

что просмотрел все последние газеты, чтобы вникнуть в подробности. Это,

кажется, один из тех несложных случаев, которые всегда так трудны.

- Ваши слова звучат несколько парадоксально.

- Но это сама правда. В необычности почти всегда ключ к разгадке тайны. Чем проще преступление, тем труднее докопаться до истины... Как бы

то ни было, в данном случае выдвинуто очень серьезное обвинение против сына убитого.

- Значит, это убийство?

- Ну, так предполагают. Я ничего не берусь утверждать, пока сам не ознакомлюсь с делом. В нескольких словах я объясню вам положение вещей, каким оно мне представляется...

Боскомская долина - это сельская местность вблизи Росса, в Хирфордшире. Самый крупный землевладелец в тех краях - мистер Джон Тэнер. Он составил себе капитал в Австралии и несколько лет назад вернулся на родину. Одну из своих ферм, Хазерлей, он сдал в аренду мистеру Чарлзу Маккарти, тоже приехавшему из Австралии. Они познакомились в колониях, и ничего странного не было в том, что, переехав на новое место, они поселились как можно ближе друг к другу. Тэнер, правда, был богаче, и Маккарти сделался его арендатором, но они, по-видимому, оставались в приятельских отношениях. У Маккарти один сын, юноша восемнадцати лет, а у Тэнера - единственная дочь такого же возраста, жены у обоих стариков умерли. Они, казалось, избегали знакомства с английскими семействами и вели уединенный образ жизни, хотя оба Маккарти любили спорт и часто посещали скачки по соседству. Маккарти держали лакея и горничную. У Тэнера было большое хозяйство, по крайней мере с полдюжины слуг. Вот и все, что мне удалось разузнать об этих семействах. Теперь о самом происшествии.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Маккарти вышел из своего дома в Хазерлей часа в три дня и направился к Боскомскому омуту. Это небольшое озеро, образованное разлившимся ручьем, который протекает по Боскомской долине. Утром он ездил в Росс и сказал своему слуге, что очень торопится, так как в три часа у него важное свидание. С этого свидания он не вернулся.

От фермы Хазерлей до Боскомского омута четверть мили, и, когда он шел туда, его видели два человека. Во-первых, старуха, имя которой не упомянуто в газетах, и, во-вторых, Уильям Краудер, лесник мистера Тэнера. Оба эти свидетеля показали, что мистер Маккарти шел один. Лесник добавил,

что вскоре после встречи с мистером Маккарти он увидел его сына, - Джеймса Маккарти. Молодой человек шел с ружьем. Лесник утверждал, что он следовал за отцом по той же дороге. Лесник совсем было позабыл об этой встрече, но вечером он услышал о происшедшей трагедии и все вспомнил.

Обоих Маккарти заметили еще раз после того, как Уильям Краудер, лесник, потерял их из виду. Боскомский омут окружен густым лесом, все берега его заросли камышом. Дочь привратника Боскомского имения, Пэшенс Моран, девочка лет четырнадцати, собирала в соседнем лесу цветы. Она заявила, что видела, у самого озера мистера Маккарти и его сына. Было похоже, что, они сильно ссорятся. Она слышала, как старший Маккарти грубо кричал на сына, и видела, как последний замахнулся на своего отца, будто хотел ударить его. Она была так напугана этой ужасной сценой, что стремглав бросилась домой и рассказала матери) что в лесу у омута отец и сын Маккарти затеяли ссору и что она боится, как бы дело не дошло до драки. Едва она сказала это, как молодой Маккарти вбежал в сторожку и сообщил, что он нашел в лесу своего отца мертвым, и позвал привратника на помощь. Он был сильно возбужден, без ружья, без шляпы; на правой руке и на рукаве были видны свежие пятна крови. Следуя за ним, привратник подошел к мертвецу, распростертому на траве у самой воды. Череп покойного был разможен ударами какого-то тяжелого, тупого оружия. Такие раны можно было нанести прикладом ружья, принадлежавшего сыну, которое валялось в траве в нескольких шагах от убитого. Под тяжестью этих улик молодой человек был сразу же арестован. Во вторник следствие вынесло предварительный приговор: "преднамеренное убийство"; в среду Джеймс Маккарти предстал перед мировым судьей Росса, который направил дело на рассмотрение суда присяжных. Таковы основные факты, известные следователю и полиции.

- Невозможно себе представить более гнусного дела, - заметил я.

-

Если когда-нибудь косвенные доказательства изобличали преступника, так это именно в данном случае.

- Косвенные доказательства очень обманчивы, - задумчиво проговорил Холмс - Они могут совершенно ясно указывать в одном направлении, но если вы способны разобраться в этих доказательствах, то можете обнаружить, что на самом деле они очень часто ведут нас не к истине, а в противоположную сторону. Правда, сейчас дело окончательно обернулось против молодого человека; не исключена возможность, что он и есть преступник. Нашлись, однако, люди по соседству, и среди них мисс Тэнер, дочь землевладельца, которые верят в его невиновность. Мисс Тэнер пригласила Лестрейда - может быть, вы его помните? - для защиты подсудимого. Лестрейд, считающий защиту очень трудной, передал ее мне, и вот два джентльмена средних лет мчатся на запад со скоростью пятьдесят миль в час, вместо того чтобы спокойно завтракать у себя дома.

- Божь, - сказал я, - факты слишком убедительны, и у вас будут очень ограниченные возможности выиграть этот процесс.

- Ничто так не обманчиво, как слишком очевидные факты, - ответил Холмс, смеясь. - Кроме того, мы можем случайно наткнуться на какие-нибудь столь же очевидные факты, которые не оказались очевидными для мистера Лестрейда. Вы слишком хорошо меня знаете и не подумаете, что это хвастовство. Я или пользуюсь уликами, собранными Лестрейдом, или начисто их отвергаю, потому что сам он совершенно не в состоянии воспользоваться ими, ни даже разобраться в них. Взять хотя бы первый пришедший в голову пример: мне совершенно ясно, что в вашей спальне окно с правой стороны, но я далеко не уверен, заметит ли мистер Лестрейд даже такой очевидный факт.

- Но как, в самом деле...

- Милый мой друг, я давно с вами знаком. Мне известна военная аккуратность, отличающая вас. Вы бреетесь каждое утро и в это время года

-

при солнечном свете; но левая часть лица выбрита у вас несравненно хуже правой, чем левее – тем хуже, доходя, наконец, до полного неряшества.

Совершенно очевидно, что эта часть лица у вас хуже освещена, чем другая. Я

не могу себе представить, чтобы человек с вашими привычками смирился с плохо выбритой щекой, глядя в зеркало при нормальном освещении. Я привожу

это только как простой пример наблюдательности и умения делать выводы. В

этом и заключается мое ремесло, и вполне возможно, что оно пригодится нам

в предстоящем расследовании. Имеется одна или две незначительные детали,

которые стали известны во время допроса. Они заслуживают внимания.

– Что же это?

– Оказывается, молодого Маккарти арестовали не сразу, а несколько

позже, когда он уже вернулся на ферму Хазерлей. Полицейский инспектор

заявил ему, что он арестован, а он ответил, что это его ничуть не

удивляет, так как он все-таки заслуживает наказания.

Его фраза произвела должный эффект – исчезли последние сомнения,

которые, может быть, еще имелись у следователя.

– Это было признание! – воскликнул я.

– Нет, затем он заявил о полной своей невиновности.

– После дьявольски веских улик это звучит подозрительно.

– Наоборот, – сказал Холмс, – это единственный проблеск, который

я

сейчас вижу среди туч. Ведь он не может не знать, какие тяжелые подозрения

падают на него. Если бы он притворился удивленным или возмущенным при

известии об аресте, это показалось бы мне в высшей степени

подозрительным,

потому что подобное удивление или негодование были бы

совершенно

неискренни при сложившихся обстоятельствах. Такое поведение как раз

свидетельствовало бы о его неискренности. Его бесхитростное поведение в

минуту ареста говорит либо о его полной невиновности, либо, наоборот,

изобличает его незаурядное самообладание и выдержку. Что же касается его

ответа, что он заслуживает ареста, это тоже вполне естественно, если

вспомнить, что он настолько забыл о своем сыновнем долге, что нагрубил

отцу и даже, как утверждает девочка - а ее показания очень важны,
-
замахнулся на него. Его ответ, который говорит о раскаянии и об
угрызениях
совести, представляется мне скорее признаком неискренности,
чем
доказательством преступных намерений.

Я покачал головой.

- Многих вздернули на виселицу и без таких тяжких улик, - заметил я.

- Это верно. И среди них было много невиновных.

- Каковы же объяснения самого молодого человека?

- Не особенно ободряющие для его защитников, хотя есть один или

два

положительных пункта. Вы здесь это найдете, можете почитать про себя.

Он достал из своей папки несколько местных хартфордширских газет
и,

перегнув страницу, указал на те строки, в которых несчастный
молодой

человек дает объяснения всему происшедшему. Я уселся в углу купе и
стал

внимательно читать. Вот что там было написано:

"Затем был вызван мистер Джеймс Маккарти, единственный сын
покойного.

Он дал следующие показания:

- В течение трех дней меня не было дома: я был в Бристоле и
вернулся

как раз утром в прошлый понедельник, третьего числа. Когда я приехал,
отца

не было дома, и горничная сказала, что он поехал в Росс с Джоном
Коббом,

конюхом. Вскоре после моего приезда я услышал скрип колес его двуколки
и,

выглянув из окна, увидел, что он быстро пошел со двора, но я не знал,
в

каком направлении он пойдет. Потом я взял свое ружье и решил пройтись
к

Боскомскому омуту, чтобы осмотреть пустошь, где живут кролики;
пустошь

расположена на противоположном берегу озера. По пути я встретил
Уильяма

Краудера, лесничего, как он уже сообщил в своих показаниях; однако
он

ошибается, считая, что я догонял отца. Мне и в голову не приходило,
что

отец идет впереди меня. Когда я был приблизительно в ста шагах от омута,
я

услышал крик "Коу!", которым я и мой отец обычно звали друг друга. Я
сразу

побежал вперед и увидел, что он стоит у самого омута. Он, по-
видимому,

очень удивился, заметив меня, и спросил довольно грубо, зачем я
здесь.

Разговор дошел до очень резких выражений, чуть ли не до драки, потому
что

отец мой был человек крайне вспыльчивый. Видя, что ярость его неукротима, я предпочел уйти от него и направился к ферме Хазерлей. Не прошел я и полтора шагов, как услышал позади себя леденящий душу крик, который заставил меня снова бежать назад. Я увидел распростертого на земле отца; на голове его зияли ужасные раны, в нем едва теплилась жизнь. Ружье выпало у меня из рук, я приподнял голову отца, но почти в то же мгновение он умер. Несколько минут я стоял на коленях возле убитого, потом пошел к привратнику мистера Тэнера попросить его помощи. Дом привратника был ближе других. Вернувшись на крик отца, я никого не увидел возле него, и я не могу себе представить, кто мог его убить. Его мало кто знал, потому что нрава он был несколько замкнутого и неприветливого. Но все же, насколько мне известно, настоящих врагов у него не было.

Следователь. Сообщил ли вам что-нибудь перед смертью ваш отец?

Свидетель. Он пробормотал несколько слов, но я мог уловить только что-то похожее на "крыса".

Следователь. Что это, по-вашему, значит?

Свидетель. Не имею понятия. Наверное, он бредил.

Следователь. Что послужило поводом вашей последней ссоры?

Свидетель. Я предпочел бы умолчать об этом.

Следователь. К сожалению, я вынужден настаивать на ответе.

Свидетель. Но я не могу ответить на этот вопрос. Уверяю вас, что разговор наш не имел никакого отношения к ужасной трагедии, которая последовала за ним.

Следователь. Это решит суд. Излишне объяснять вам, что нежелание отвечать послужит вам во вред, когда вы предстанете перед выездной сессией суда присяжных.

Свидетель. И все же я не стану отвечать.

Следователь. По-видимому, криком "Коу!" вы с отцом всегда подзывали друг друга?

Свидетель. Да.

Следователь. Как же могло случиться, что он подал условный знак до того, как вас увидел, и даже до того, как он узнал, что вы вернулись из Бристоля?

Свидетель. (очень смущенный). Не знаю.

Присяжный заседатель. Не бросилось ли вам в глаза что-нибудь подозрительное, когда вы прибежали на крик и нашли отца смертельно раненным?

Свидетель. Ничего особенного.

Следователь. Что вы хотите этим сказать?

Свидетель. Я был так взволнован и напуган, когда выбежал из лесу, что мог думать только об отце, больше ни о чем. Все же у меня было смутное представление, что в тот момент что-то лежало на земле слева от меня. Мне показалось: какая-то серая одежда - может быть, плед. Когда я встал на ноги и хотел рассмотреть эту вещь, ее уже не было.

- Вы полагаете, что она исчезла прежде, чем вы пошли за помощью?

- Да, исчезла.

- Не можете ли вы сказать, что это было?

- Нет, у меня просто было ощущение, что там что-то лежит.

- Далеко от убитого?

- Шагах в десяти.

- А на каком расстоянии от леса?

- Приблизительно на таком же.

- Значит, эта вещь находилась на расстоянии менее двадцати шагов от вас, когда она исчезла?

- Да, но я повернулся к ней спиной.

Этим заканчивается допрос свидетеля".

- Мне ясно, - сказал я, взглянув на газетный столбец, - что в конце допроса следователь совершенно беспощаден к молодому Маккарти. Он указал, и не без основания, на противоречия в показании о том, что отец позвал сына, не зная о его присутствии, и также на отказ передать содержание его разговора с отцом, затем на странное объяснение последних слов умирающего.

Все это, как заметил следователь, сильно вредит сыну.

Холмс потянулся на удобном диване и с улыбкой сказал:

- Вы со следователем страдаете одним и тем же недостатком: отбрасываете все положительное, что есть в показаниях молодого человека. Неужели вы не видите, что приписываете ему то слишком много, то слишком мало воображения? Слишком мало - если он не мог придумать такой причины ссоры, которая завоевала бы ему симпатии присяжных; и слишком много - если он мог дойти до такой выдумки, как упоминание умирающего о крысе и

происшествие с исчезнувшей одеждой. Нет, сэр, я буду придерживаться той точки зрения, что все, сказанное молодым человеком, – правда. Посмотрим, к чему приведет нас эта гипотеза. А теперь я займусь своим карманным Петраркой. Пока мы не прибудем на место происшествия – об этом деле ни слова. Наш второй завтрак в Суиндоне. Я думаю, мы приедем туда минут через двадцать.

Было около четырех часов, когда мы, миновав прелестную Страудскую долину и широкий сверкающий Сэверн, очутились наконец в милом маленьком провинциальном городке Россе. Аккуратный, похожий на хорька человек, очень сдержанный, с хитрыми глазками, ожидал нас на платформе. Хотя он был в коричневом пыльнике и в сапогах, которые он считал подходящими для сельской местности, я без труда узнал в нем Лестрейда из Скотленд-Ярда. С

ним мы доехали до "Хирфорд Армз", где нам были оставлены комнаты.

– Я заказал карету, – сказал Лестрейд за чашкой чая. – Мне известна ваша деятельная натура. Ведь вы, до тех пор не можете успокоиться, пока не попадете на место преступления.

– Это очень похвально с вашей стороны, – ответил Холмс. – Но теперь все зависит от показаний барометра.

Лестрейд чрезвычайно удивился.

– Я не совсем понимаю вашу мысль, – сказал он.

– Каковы показания барометра? Двадцать девять ветра нет, на небе облачка – дождя не будет. А у меня целая пачка сигарет, которые надо выкурить. К тому же диван здесь несравненно лучше обычной мерзости деревенских гостиниц. Я думаю, что мне не удастся воспользоваться этой каретой сегодня вечером.

Лестрейд снисходительно засмеялся.

– Вы, конечно, уже пришли к какому-то заключению, прочитав газетные отчеты, – сказал он. – Дело это ясное, как день, и чем глубже вникаешь в него, тем яснее оно становится. Но, конечно, нельзя отказать в просьбе женщине, да еще такой очаровательной. Она слышала о вас и захотела пригласить именно вас для защиты подсудимого, хотя я неоднократно говорил

ей, что вы не сделаете ничего, что бы не было уже давно сделано мной.
О

боже! У дверей ее экипаж!

Едва он сказал это, как в комнату вбежала одна из прелестнейших девушек, каких я когда-либо видел. Голубые глаза сверкали, губы были слегка приоткрыты, нежный румянец заливал щеки. Сильное волнение заставило ее забыть обычную сдержанность.

- О, мистер Шерлок Холмс! - воскликнула она, переводя взгляд с него на меня и наконец с безошибочной женской интуицией останавливаясь на моем друге. - Как я рада, что вы здесь! Я приехала сказать вам это. Я уверена, что Джеймс невиновен. Приступая к вашей работе, вы должны знать то, что известно мне. Не допускайте сомнений ни на одну минуту. Мы с ним дружили с раннего детства, я лучше всех знаю все его слабости, но он так мягкосердечен, что не обидит и мухи. Всем, кто действительно знает его, такое обвинение представляется совершенно нелепым.

- Надеюсь, нам удастся оправдать его, мисс Тэнер, - сказал Шерлок Холмс. - Поверьте, я сделаю все, что в моих силах.

- Но вы читали отчеты, и у вас уже есть определенное мнение обо всем происшедшем? Не видите ли вы какого-нибудь просвета? Уверены ли вы сами, что он невиновен?

- Я считаю это вполне возможным.

- Вот, наконец! - воскликнула она, гордо поднимая голову и вызываясь глядя на Лестрейда. - Вы слышали? Теперь у меня есть надежда.

Лестрейд пожал плечами.

- Боюсь, что мой коллега слишком поспешен в своих выводах, - сказал он.

- Но ведь он прав - о, я уверена, что он прав! Джеймс не способен на преступление. Что же касается его ссоры с отцом - я знаю: он потому ничего не сказал следователю, что в этом была замешана я.

- Каким образом? - спросил Холмс.

- Сейчас не время что-нибудь скрывать. У Джеймса были большие неприятности с отцом из-за меня. Отец Джеймса очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джеймсом всегда любили друг друга, как брат и сестра, но

он, конечно, еще слишком молод, не знает жизни и... и... ну, словом, он, естественно, и думать не хотел о женитьбе. На этой почве возникали ссоры, и, я уверена, это была одна из таких ссор.

- А ваш отец? - спросил Холмс. - Хотел ли он вашего союза?

- Нет, он тоже был против. Кроме отца Джеймса, этого не хотел никто.

- Сплошной румянец залил ее свежее лицо, когда Холмс бросил на нее один из своих испытующих взглядов.

- Благодарю вас за эти сведения, - сказал он. - Могу ли я увидеться с вашим отцом, если зайду завтра?

- Боюсь, доктор этого не позволит.

- Доктор?

- Да, разве вы не знаете? Последние годы мой бедный отец все время прихварывал, а это несчастье совсем сломило его. Он слег, и доктор Уиллоуз говорит, что у него сильное нервное потрясение от перенесенного горя.

Мистер Маккарти был единственным оставшимся в живых человеком, кто знал

папу в далекие времена в Виктории.

- Хм! В Виктории? Это очень важно.

- Да, на приисках.

- Совершенно верно, на золотых приисках, где, как я понимаю, мистер

Тэнер и составил свой капитал?

- Ну конечно.

- Благодарю вас, мисс Тэнер. Вы очень помогли мне.

- Сообщите, пожалуйста, если завтра у вас будут какие-нибудь новости.

Вы, наверное, навестите Джеймса в тюрьме? О, если вы увидите его, мистер

Холмс, скажите ему, что я убеждена в его невиновности.

- Непременно скажу, мисс Тэнер.

- Я спешу домой, потому что папа серьезно болен. Я ему нужна.

Прощайте, да поможет вам бог!

Она вышла из комнаты так же поспешно, как и вошла, и мы услышали стук колес удаляющегося экипажа.

- Мне стыдно за вас, Холмс, - с достоинством сказал Лестрейд после

минутного молчания. - Зачем вы подаете надежды, которым не

суждено оправдаться? Я не страдаю излишней чувствительностью, но считаю, что вы

поступили жестоко.

- Кажется, я вижу путь к спасению Джеймса Маккарти, - сказал Холмс.

-

У вас есть ордер на посещение тюрьмы?

- Да, но только для нас двоих.
- В таком случае, я изменяю свое решение не выходить из дома.

Мы

поспеем в Хирфорд, чтобы увидеть заключенного сегодня вечером?

- Вполне.

- Тогда поедем! Уотсон, боюсь, вам будет скучно, но часа через два я вернусь.

Я проводил их до станции, прошелся по улицам городка, наконец вернулся в гостиницу, прилег на кушетку и начал читать бульварный роман. Однако сюжет повествования был слишком плоским по сравнению с ужасной трагедией, открывающейся перед нами. Я заметил, что мысли мои все время возвращаются от книги к действительности, поэтому я швырнул книжку в другой конец комнаты и погрузился в размышления о событиях истекшего дня. Если предположить, что показания этого несчастного молодого человека абсолютно правдивы, то что же за дьявольщина, что за непредвиденное и невероятное бедствие могло произойти в тот промежуток времени, когда он отошел от своего отца, а потом прибежал на его крики? Это было нечто ужасное, кошмарное. Что же это могло быть? Пожалуй, мне, как врачу, дело станет яснее, если я познакомлюсь с характером повреждений. Я позвонил и потребовал последние номера местных газет, содержащие все материалы следствия слово в слово.

В показаниях хирурга устанавливалось, что третья задняя теменная кость и левая часть затылочной кости раздроблены сильным ударом тупого орудия. Я нащупал это место на своей собственной голове. Несомненно, такой удар может быть нанесен только сзади. Это в некоторой степени снимало подозрение с обвиняемого, так как во время ссоры его видели стоящим к лицу с покойным. Но этому нельзя придавать большого значения, потому что отец мог отвернуться, перед тем как его ударили. Однако нужно сообщить Холмсу и об этом. Затем очень странным представилось мне упоминание о крысе. Что это значит? Во всяком случае, не бред. Человек, умирающий от

внезапного удара, никогда не бредит. Нет, вероятно, он пытался объяснить, как он встретил свою смерть. Что же он хотел сказать? Я долго пытался найти какое-нибудь подходящее объяснение. Вспомнил и случай с этой серой одеждой, которую заметил молодой Маккарти. Если так было на самом деле, значит, убийца потерял что-то, когда убежал - наверно, пальто, - и у него хватило наглости вернуться и взять его за спиной у сына, в двадцати шагах от него, когда тот опустился на колени возле убитого. Какое сплетение таинственного и невероятного в этом происшествии!

Меня не удивило мнение Лестрейда, но я верил в дальновидность Холмса и не терял надежды: мне казалось, что каждая новая деталь укрепляет его уверенность в невинности молодого Маккарти.

Когда вернулся Холмс, было уже совсем поздно. Он был один, так как Лестрейд остановился в городе.

- Барометр все еще не падает, - заметил он, садясь. - Только бы не было дождя, пока мы доберемся до места происшествия! Ведь человек должен вложить в такое славное дело все силы ума и сердца. По правде сказать, я не хотел приниматься за работу, когда был утомлен длинной дорогой. Я виделся с молодым Маккарти.

- Что же вы от него узнали?

- Ничего.

- Дело не стало яснее?

- Ничуть. Я был склонен думать, что ему известно имя преступника и что он скрывает его. Но теперь я убежден - для него это такая же загадка, как и для всех остальных. Молодой Маккарти не особенно умен, но очень миловиден, и мне показалось, что он человек неиспорченный.

- Я не одобряю его вкуса, - заметил я, - если это действительно правда, что он не хотел жениться на такой очаровательной молодой девушке, как мисс Тэнер.

- О, под всем этим кроется пренеприятная история! Он страстно, безумно любит ее. Но как вы думаете, что он сделал года два назад, когда она была еще в пансионе, а сам он был совсем подростком? Этот идиот

попался в лапы одной бристольской буфетчице и зарегистрировал свой брак с нею. Об этом никто не подозревает, но можете себе представить, какое было для него мучение слушать упреки, что он не делает того, за что он сам отдал бы полжизни! Вот это-то отчаяние и охватило его, когда он простер руки к небу в ответ на требование отца сделать предложение мисс Тэнер. С другой стороны, у него не было возможности защищаться, и отец его, который, как все утверждают, был человек крутого нрава, выгнал бы его из дому навеки, если бы узнал всю правду. Это со своей женой-буфетчицей юноша провел в Бристоле последние три дня, а его отец не знал, где он был. Запомните это обстоятельство, это очень важно. Однако не было бы счастья - несчастье помогло. Буфетчица, узнав из газет, что ее мужа обвиняют в тяжелом преступлении и, вероятно, скоро повесят, сразу же его бросила и призналась ему в письме, что у нее уже давно есть другой законный муж, который живет в Бермудских доках, и что с мистером Джеймсом Маккарти ее на самом деле ничто не связывает. Я думаю, это известие искупило все страдания молодого Маккарти.

- Но если он невиновен, кто же тогда убийца?

- Да, кто убийца? Я бы обратил ваше внимание на следующие два обстоятельства. Первое: покойный должен был с кем-то встретиться у омута, и этот человек не мог быть его сыном, потому что сын уехал и не было известно, когда он вернется. Второе: отец кричал "Коу!" еще до того, как он узнал о возвращении сына. Это основные пункты, которые предрешают исход процесса... А теперь давайте поговорим о творчестве Джорджа Мередита [1], если вам угодно, и оставим все второстепенные дела до завтра.

Как и предсказывал Холмс, дождя не было; утро выдалось яркое и безоблачное. В девять часов за нами в карете приехал Лестрейд, и мы отправились на ферму Хазерлейи к Воскомскому омуту.

- Серьезные известия, - сказал Лестрейд. - Говорят, что мистер Тэнер из Холла так плох, что долго не протянет.

- Вероятно, он очень стар? - спросил Холмс.

- Около шестидесяти, но он потерял в колониях здоровье и уже очень давно серьезно болеет. Тут большую роль сыграло это дело. Он был старым другом Маккарти и, добавлю, его истинным благодетелем. Как мне стало известно, он даже не брал с него арендной платы за ферму Хазерлей.

- Вот как! Это очень интересно! - воскликнул Холмс.

- О да. И он помогал ему всевозможными другими способами. Здесь все говорят о том, что мистер Тэнер был очень добр к покойному.

- Да что вы! А вам не показалось несколько необычным, что этот Маккарти, человек очень небогатый, был так обязан мистеру Тэнеру и все же поговаривал о женитьбе своего сына на дочери Тэнера, наследнице всего состояния? Да еще таким уверенным тоном, будто стоило только сделать предложение - и все будет в порядке! Это чрезвычайно странно. Ведь вам известно, что Тэнер и слышать не хотел об их браке. Его дочь сама рассказала об этом. Не можете ли вы сделать из всего сказанного какие-нибудь выводы методом дедукции?

- Мы занимались дедукцией и логическими выводами, - сказал Лестрейд, подмигивая мне. - Знаете ли, Холмс, если в дальнейшем так же орудовать фактами, можно очень легко удалиться от истины в мир догадок и фантазий.

- Что правда, то правда, - сдержанно ответил Холмс. - Вы очень плохо пользуетесь фактами.

- Как бы то ни было, я подтвердил один факт, который оказался очень трудным для вашего понимания, - раздраженно возразил Лестрейд.

- То есть, что...

- Что Маккарти-старший встретил свою смерть от руки Маккарти-младшего и что все теории, отрицающие этот факт, - просто лунные блики.

- Ну, лунные-то блики гораздо ярче тумана! - смеясь, ответил Холмс.

-
Если я не ошибаюсь, слева от нас ферма Хазерлей.

- Она самая.

Это было широко раскинувшееся комфортабельное двухэтажное, крытое шифером здание с большими желтыми пятнами лишайника на сером фасаде. Опущенные шторы на окнах и трубы, из которых не шел дым, придавали дому угрюмый вид, будто кошмарное преступление всей своей тяжестью легло на эти стены.

Мы позвонили у двери, и горничная, по требованию Холмса, показала нам ботинки, в которых был ее хозяин, когда его убили, и обувь сына, которую он надевал в тот день. Холмс тщательно измерил всю обувь в семи или восьми местах, затем попросил провести нас во двор, откуда мы пошли по извилистой тропинке, ведущей к Боскомскому омуту.

Шерлок Холмс весь преобразался, когда шел по горячему следу. Люди, знающие бесстрастного мыслителя с Бейкер-стрит, ни за что не узнали бы его в этот момент. Он мрачнел, лицо его покрывалось румянцем, брови вытягивались в две жесткие черные линии, из-под них стальным блеском сверкали глаза. Голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены. Его ноздри расширились, как у охотника, захваченного азартом преследования. Он настолько был поглощен стоящей перед ним задачей, что на вопросы, обращенные к нему, или вовсе ничего не отвечал, или нетерпеливо отгрызался в ответ.

Безмолвно и быстро шел он по тропинке, пролежавшей через лес и луга к Боскомскому омуту. Это глухое, болотистое место, как и вся долина. На тропинке около нее, где растет низкая трава, было видно множество следов. Холмс то спешил, то останавливался, один раз круто повернул и сделал по лужайке несколько шагов назад. Лестрейд и я следовали за ним, сыщик - с видом безразличным и пренебрежительным, в то время как я наблюдал за моим другом с большим интересом, потому что был убежден, что каждое его действие ведет к благополучному завершению дела.

Боскомский омут - небольшое, шириной ярдов [2] в пятьдесят, пространство воды, окруженное зарослями камыша и расположенное на границе фермы Хазерлей и парка богача мистера Тэнера. Над лесом, подступающим к дальнему берегу, видны красные остроконечные башенки, возвышающиеся над жилищем богатого землевладельца.

Со стороны Хазерлей лес очень густой; только узкая полоска влажной травы шагов в двадцать шириной отделяет последние деревья от камышей,

окаймляющих озеро. Лестрейд точно указал, где нашли тело; а земля действительно была такая сырая, что я мог ясно увидеть место, где упал

убитый. Что же касается Холмса, то по его энергичному лицу и напряженному взгляду я видел, что он многое разглядел на затоптанной траве. Он метался,

как гончая, напавшая на след, а потом обратился к нашему спутнику.

- Что вы здесь делали? - спросил он.

- Я прочесал граблями всю лужайку. Я искал какое-нибудь оружие или другие улики. Но как вам удалось...

- Ну, хватит, у меня нет времени! Вы выворачиваете левую ногу, и следы этой вашей левой ноги видны повсюду. Вас мог бы выследить даже крот.

А здесь, в камышах, следы исчезают. О, как было бы все просто, если бы я

пришел сюда до того, как это стадо буйволов все здесь вытоптало! Здесь

стояли те, кто пришел из сторожки, они затоптали все следы вокруг убитого

на шесть или семь футов[3].

Он достал лупу, лег на непромокаемый плащ, чтобы было лучше видно, и

разговаривал более с самим собой, чем с нами.

- Вот следы молодого Маккарти. Он проходил здесь дважды и один раз

бежал так быстро, что следы каблуков почти не видны, а остальная часть

подошвы отпечаталась четко. Это подтверждает его показания. Он побежал,

когда увидел отца лежащим на земле. Далее, здесь следы ног отца, когда он

ходил взад и вперед. Что же это? След от приклада, на который опирался

сын, когда стоял и слушал отца. А это? Ха-ха, что же это такое? Кто-то

подкрадывался на цыпочках! К тому же это квадратные, совершенно необычные

ботинки. Он пришел, ушел и снова вернулся - на этот раз, конечно, за своим

пальто. Но откуда он пришел?

Холмс бегал туда и сюда, иногда теряя след, иногда вновь натываясь на

него, пока мы не очутились у самого леса, в тени очень большой, старой

березы. Холмс нашел его следы за этим деревом и снова лег на живот.

Раздался радостный возглас. Холмс долго оставался неподвижным,

переворачивал опавшие листья и сухие сучья, собрал в конверт что-то

похожее на пыль и осмотрел сквозь лупу землю, а также, сколько мог достать, и кору дерева. Камень с неровными краями лежал среди мха; он поднял и осмотрел его. Затем он пошел по тропинке до самой дороги, где следы терялись.

- Этот камень представляет большой интерес, - заметил он, возвращаясь к своему обычному тону. - Серый дом справа - должно быть, сторожка. Я зайду к Морану, чтобы сказать ему два слова и написать коротенькую записку. После этого мы еще успеем добраться до гостиницы, ко второму завтраку. Вы идите к карете, я присоединюсь к вам.

Минут через десять мы уже ехали к Россу. В руках у Холмса все еще был камень, который он поднял в лесу.

- Это может заинтересовать вас, Лестрейд, - сказал он, протягивая ему

камень. - Вот чем было совершено убийство.

- Я не вижу на нем никаких следов.

- Их нет.

- Тогда как же вы это узнали?

- Под ним росла трава. Он пролежал там всего лишь несколько дней.

Нигде вокруг не было видно места, откуда он взят. Это имеет прямое

отношение к убийству. Следов какого-нибудь другого оружия нет.

- А убийца?

- Это высокий человек, левша, он хромает на правую ногу, носит охотничьи сапоги на толстой подошве и серое пальто, курит индийские сигары

с мундштуком, в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще несколько

примет, но и этого достаточно, чтобы помочь нам в наших поисках.

Лестрейд засмеялся.

- К сожалению, я до сих пор остаюсь скептиком, - сказал он. - Ваши

теории очень хороши, но мы должны иметь дело с твердолобыми британскими присяжными.

- Ну, это мы увидим, - ответил спокойно Холмс. - У вас одни методы, у

меня другие... Кстати, я, может быть, сегодня с вечерним поездом вернусь в

Лондон.

- И оставите ваше дело незаконченным?

- Нет, законченным.

- Но как же тайна?

- Она разгадана.

- Кто же преступник?

- Джентльмен, которого я описал.
- Но кто он?
- Это можно очень легко узнать. Здесь не так уж много жителей. Лестрейд пожал плечами.
- Я человек действия, - сказал он, - и никак не могу

заниматься

поисками джентльмена, о котором известно только, что он хромоногий левша.

Я бы стал посмешищем всего Скотленд-Ярда.

- Хорошо, - спокойно ответил Холмс. - Я предоставил вам все возможности для разгадки этой тайны. Я ведь ничего не утаил от вас, и вы сами могли разгадать таинственное преступление. Вот мы и приехали.

Прощайте. Перед отъездом я вам напишу.

Оставив Лестрейда возле его двери, мы направились к нашему отелю, где нас уже ждал завтрак.

Холмс молчал, погруженный в свои мысли. Лицо его было мрачно, как у человека, который попал в затруднительное положение.

- Вот послушайте, Уотсон, - сказал он, когда убрали со стола.

-

Садитесь в это кресло, и я изложу перед вами то небольшое, что мне известно. Я не знаю, что мне делать. Я бы хотел получить от вас совет.

Закуривайте, а я сейчас начну.

- Пожалуйста.

- Ну вот, при изучении этого дела нас поразили два пункта в рассказе молодого Маккарти, хотя меня они настроили в его пользу, а вас восстановили против него. Во-первых, то, что отец закричал "Коу!" до того, как увидел своего сына. Во-вторых, что умирающий упомянул только о крысе. Понимаете, он пробормотал несколько слов, но сын уловил лишь одно. Наше расследование должно начаться с этих двух пунктов. Предположим, что все, сказанное юношей, - абсолютная правда.

- А что такое "коу"?

- Очевидно, он звал не своего сына. Он думал, что сын в Бристоле. Сын совершенно случайно услышал этот зов. Этим криком "Коу!" он звал того, кто

назначил ему свидание. Но "коу" - австралийское слово, оно в ходу только

между австралийцами. Это веское доказательство, что человек, которого

Маккарти надеялся встретить у Боскомского омута, бывал в Австралии.

- Ну, а крыса?

Шерлок Холмс достал из кармана сложенный лист бумаги, расправил его на столе.

- Это карта штата Виктория, - сказал он. - Я телеграфировал прошлой ночью в Бристоль, чтобы мне ее прислали. - Он закрыл ладонью часть карты.

- Прочтите, - попросил он.

- АРЭТ[4], - прочитал я.

- А теперь? - Он поднял руку.

- БАЛЛАРЭТ.

- Совершенно верно. Это и есть слово, произнесенное умирающим, но сын

уловил только последние два слога. Он пытался назвать имя убийцы.

Итак,

Балларэт.

- Это потрясающе! - воскликнул я.

- Это вне всяких сомнений. А теперь, как видите, круг сужается.

Наличие у преступника серого одеяния было третьим пунктом. Исчезает полная

неизвестность, и появляется некий австралиец из Балларэта в сером пальто.

- И в самом деле!

- К тому же он местный житель, потому что возле омета, кроме фермы и

усадыбы, ничего нет, и посторонний вряд ли забредет туда.

- Конечно.

- Затем наша сегодняшняя экспедиция. Исследуя почву, я обнаружил

незначительные улики, о которых и рассказал этому тупоумному Лестрейду.

Это касалось установления личности преступника.

- Но как вы их обнаружили?

- Вам известен мой метод. Он базируется на сопоставлении всех

незначительных улик.

- О его росте вы, разумеется, могли приблизительно судить по длине

шага. О его обуви также можно было догадаться по следам.

- Да, это была необыкновенная обувь.

- А то, что он хромым?

- Следы его правой ноги не так отчетливы, как следы левой. На правую

ногу приходится меньше веса. Почему? Потому что он прихрамывал - он хромым.

- А то, что он левша?

- Вы сами были поражены характером повреждений, описанных хирургом.

Удар был внезапно нанесен сзади, но с левой стороны. Кто же это мог

сделать, как не левша? Во время разговора отца с сыном он стоял за

деревом. Он даже курил там. Я нашел пепел и благодаря моему знанию

различных сортов табака установил, что он курил индийскую сигару. Я, как вам известно, немного занимался этим вопросом и написал небольшую монографию о пепле ста сорока различных сортов трубочного, сигарного и папиросного табака. Обнаружив пепел сигары, я оглядел все вокруг и нашел место, куда он ее бросил. То была индийская сигара, изготовленная в Роттердаме.

- А мундштук?

- Я увидел, что он не брал ее в рот. Следовательно, он курит с мундштуком. Кончик был обрезан, а не откушен, но срез был неровный, поэтому я решил, что нож у него тупой.

- Холмс, - сказал я, - вы опутали преступника сетью, из которой он не сможет вырваться, и вы спасли жизнь ни в чем не повинному юноше, вы просто сняли петлю с его шеи. Я вижу, где сходятся все ваши улики. Имя убийцы...

- Мистер Джон Тэнер, - доложил официант, открывая дверь в нашу гостиную и впуская посетителя.

У вошедшего была странная, совершенно необычная фигура. Замедленная, прихрамывающая походка и опущенные плечи делали его дряхлым, в то время как его жесткое, резко очерченное, грубое лицо и огромные конечности говорили о том, что он наделен необыкновенной физической силой. Его спутанная борода, седеющие волосы и всклокоченные, нависшие над глазами брови придавали ему гордый и властный вид. Но лицо его было пепельно-серым, а губы и ноздри имели синеватый оттенок. Я с первого взгляда понял, что он страдает какой-то неизлечимой, хронической болезнью.

- Присядьте, пожалуйста, на диван, - мягко предложил Холмс. - Вы получили мою записку?

- Да, ее принес привратник. Вы пишете, что хотите видеть меня, дабы избежать скандала.

- Я думаю, будет много толков, если я выступлю в суде.

- Зачем я вам понадобился?

Тэнер посмотрел на моего приятеля. В усталых глазах его было столько отчаяния, будто он уже получил ответ на свой вопрос.

- Да, - промолвил Холмс, отвечая более на взгляд его, чем на слова.

-

Это так. Мне все известно о Маккарти.

Старик закрыл лицо руками.

- Помогите мне, господа! - воскликнул он. - Но я бы не допустил гибели молодого человека! Даю вам слово, что я открыл бы вею правду, если бы дело дошло до выездной сессии суда присяжных...

- Рад это слышать, - сурово сказал Холмс.

- Я бы уже давно все открыл, если бы не моя дорогая девочка.

Это разбило бы ее сердце, она не пережила бы моего ареста.

- Можно и не доводить дело до ареста, - ответил Холмс.

- Неужели?

- Я неофициальное лицо. Поскольку меня пригласила ваша дочь, я действую в ее интересах. Вы сами понимаете, что молодой Маккарти должен быть освобожден.

- Я скоро умру, - сказал старый Тэнер. - Я уже много лет страдаю диабетом. Мой доктор сомневается, протяну я месяц или нет. Все-таки мне легче будет умереть под своей собственной крышей, чем в тюрьме.

Холмс встал, подошел к письменному столу, взял перо и бумагу.

- Рассказывайте все, как было, - предложил он, - а я вкратце запишу.

Вы это подпишете, а Уотсон засвидетельствует. Я представлю ваше признание только в случае крайней необходимости, если нужно будет спасти Маккарти.

В противном случае обещаю вам не прибегать к этой мере.

- Хорошо, - ответил старик. - Скорее всего я не доживу до выездной сессии суда, так что меня это мало волнует. Я хотел бы только избавиться

Алису от такого удара. А теперь я все вам расскажу... Тянулось это долго,

но рассказать я могу очень быстро... Вы не знали покойного Маккарти. Это

был сущий дьявол, уверяю вас. Упаси вас бог от клешей такого человека! Я

был в его тисках последние двадцать лет, он совершенно отравил мне жизнь.

Сначала я расскажу вам, как я очутился в его власти. Это произошло в

начале шестидесятых годов на золотых приисках. Я тогда был совсем молодым

человеком, безрассудным и горячим, готовым на любое дело. Я попал в плохую

компанию, начал выпивать. На участке моем не оказалось ни крупинки золота

- я стал бродяжничать и сделался, как у вас говорится, рыцарем большой

дороги. Нас было шестеро, мы вели дикую, привольную жизнь, совершали время

от времени налеты на станцию, останавливали фургоны на дорогах к приискам. Меня называли Балларэтским Черным Джеком. Моих ребят до сих пор помнят в колониях как банду Балларэта.

Однажды из Балларэта в Мельбурн под охраной конвоя отправили золото. Мы устроили засаду. Золото охраняли шесть конвоиров, нас тоже было шесть человек. Произошла жаркая схватка. Первым залпом мы уложили четырех. Но когда мы взяли добычу, нас осталось только трое. Я приставил дуло пистолета к голове кучера - это и был Маккарти. Господи, лучше бы я убил его тогда! Но я пощадил его, хотя и заметил, что он смотрит на меня своими маленькими злыми глазками, будто хочет запомнить черты моего лица. Мы завладели золотом, стали богатыми людьми и приехали в Англию, никем не заподозренные. Здесь я навсегда расстался со своими бывшими приятелями и начал спокойную, обеспеченную жизнь.

Я купил это имение, которое как раз продавалось в то время, и старался принести хотя бы небольшую пользу своими деньгами, чтобы как-то искупить прошлое. К тому же я женился, и хотя жена моя умерла молодой, она оставила мне милую маленькую Алису. Даже когда Алиса была совсем крошкой, ее ручонки удерживали меня на праведном пути, как ничто в мире. Словом, я навсегда покончил с прошлым. Все шло великолепно, пока я не попался в руки Маккарти...

Я поехал в город по денежным делам и на Риджент-стрит встретил Маккарти. На нем не было ни приличного пальто, ни обуви.

"Вот мы и встретились, Джек, - сказал он, прикасаясь к моей руке.

-
Теперь уж мы с вами больше не расстанемся. Я не один: у меня есть сынишка, и вы должны о нас позаботиться. В противном случае, вы знаете: Англия прекрасная страна, где чтут законы. Кроме того, везде есть полисмены".
Вот он и поселился со своим сыном на западе, и я не мог от них отделаться; они бесплатно живут на моей земле. У меня не было ни покоя, ни отдыха, ни забвения. Куда бы я ни шел, я везде наткнулся на его хитрую,

ухмыляющуюся физиономию. Когда Алиса подросла, стало еще хуже, так как он заметил, что для меня страшнее всякой полиции, если о моем прошлом узнает дочь. Что бы он ни захотел, он получал по первому требованию, будь то земля, постройка или деньги, пока он не потребовал невозможного. Он потребовал Алису. Сын его, видите ли, подрос, моя дочь – тоже, и, так как о моей болезни всем было известно, ему представилось, что это великолепный шанс для его сына завладеть всем моим состоянием. Но на этот раз я был тверд. Я и мысли не мог допустить, что его проклятый род соединится с моим.

Нельзя сказать, чтобы мне не нравился его сын, но в жилах юноши текла кровь его отца, этого было достаточно. Я все же стоял на своем. Маккарти, выведенный из себя, стал угрожать.

Мы должны были встретиться у омота, на полпути между нашими домами, чтобы поговорить обо всем. Когда я пришел на условленное место, я увидел, что он толкует о чем-то с сыном. Я закурил и ждал за деревом, пока он останется один. Но по мере того как я вслушивался в его слова, во мне закипала горечь и злоба, я не мог больше этого вынести. Он принуждал сына жениться на моей дочери, ничуть не заботясь о том, как она отнесется к этому, будто речь шла об уличной девчонке.

Я чуть с ума не сошел, когда подумал, что все, чем я дорожу, может очутиться во власти такого человека. Не лучше ли разбить эти оковы? Я уже умирающий, доведенный до отчаяния человек. Хотя рассудок мой ясен и силы не покинули меня, я понимал, что моя жизнь кончена. Но мое имя и моя дочь! Я спасу и то и другое, если заставлю Маккарти держать язык за зубами... Я его убил, мистер Холмс... Я бы убил его снова. Я большой грешник, но разве жизнь, полная страданий, не искупает вины? Я все терпел, но мысль, что моя дочь попадет в ту же западню, была невыносима. Я убил его без угрызения совести, будто это была отвратительная ядовитая тварь. На крик прибежал

его сын, но я успел спрятаться в, лесу, хотя мне пришлось вернуться за пальто, которое я обронил... Это чистая правда, джентльмены, все сложилось именно так.

- Что же, не мне судить вас, - промолвил Холмс, когда старик подписал свои показания. - Думаю, нам не придется представлять эти сведения в суд.

- Я вам полностью доверяю, сэр! Но что вы хотите предпринять?

- Принимая во внимание ваше здоровье - ничего. Вы сами знаете, что скоро предстанете перед судом, который выше земного суда. Я сохраню ваше признание, мне придется воспользоваться им, если Маккарти будет осужден.

Если же он будет оправдан - ни один смертный, будете вы живы или нет, не узнает о вашей тайне, все это останется между нами.

- Тогда прощайте, - торжественно сказал старик. - Когда настанет ваш смертный час, вам будет легче при мысли о том, какое успокоение вы внесли в мою душу.

Шатаясь и дрожа всем своим гигантским телом, он медленно вышел из комнаты, прихрамывая на правую ногу.

- Бедные мы, бедные! - после долгой паузы воскликнул Холмс. - Почему судьба играет такими жалкими, беспомощными созданиями, как мы?

Выездная сессия суда присяжных оправдала Джеймса Маккарти под давлением многочисленных доказательств, представленных Холмсом. Старый

Тэнер прожил месяцев семь после нашего свидания, сейчас его уже нет в живых. Есть все основания полагать, что Джеймс и Алиса могут спокойно жить в счастливом браке, не думая больше о черных тучах, которые омрачали их прошлое.